

и политическую обстановку; третья охватывает Адыгею, частично Северную Осетию и Абхазию, в которых религиозная ситуация характеризуется следующим образом: люди считают себя верующими мусульманами, однако слабо знакомы с вероучением или вовсе его не знают, выполняют частично или не выполняют вовсе большую часть религиозных предписаний, ориентируются на «мирской» образ жизни в целом.

Таким образом, сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что этническая и религиозная составляющие идентичности, сосуществуя по принципу дополнительности, являются доминантой процессов конструирования идентичности на Северном Кавказе, интенсивность и направление которых определяется историческими и культурными предпосылками, получившими свое продолжение в рамках политического процесса.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ЗНАКОВ.

Ю.П. Андреев, С.В. Захарова

Все возрастающая роль знаков в жизни общества в результате развития науки, автоматизированных систем производства и управления, межнациональных контактов и т.д., вызвала к жизни потребность комплексного изучения такого сложного феномена, каким является знак и знаковые системы. Поэтому в 30-х годах прошлого столетия оформляется общая наука о знаках – семиотика, которая была подготовлена работами Дж. Локка, Ч. Пирса, Ф. де Соссюра, исследованиями в области философии, лингвистики, психологии и других наук. Центральной проблемой семиотики была и остается проблема знака, соотношение в его структуре элементов материального и идеального, материальной «оболочки» и идеального значения. В отечественной философской литературе общепринятым является признание билатеральности знака, его «двойственной» природы, как сложного материально-идеального образования. Основу любого знака составляет его «идеальное» значение, которое объектировано в материально-вещных формах и процессах (например, в музыке). Структура знака, таким образом, состоит из

собственно значения и той формы, в которую оно облекается, приобретая объективность и материальность своего существования.

В философских исследованиях по проблемам семиотики сложилось несколько подходов и, соответственно, несколько теорий, интерпретирующих содержание и функции значения: 1) предметная теория (значение слова есть сам обозначенный предмет); 2) образная теория (значение есть умственный образ предмета); 3) идеально-сущностная теория (значение есть сущность реальных идей, которые не существуют в материальной форме); 4) бихевиористская теория (значение есть пробуждение и готовность к действию); 5) функциональная теория (значение есть функция, роль слова в языке, т.е. умение и способность использовать слова и выражения).

Советские философы придерживаются или предметной, или образной характеристики значения, которые, по нашему мнению, должны предполагать, а не исключать друг друга. В рамках этих подходов в нашей литературе можно выделить две, из наиболее распространенных точек зрения. Одни исследователи считают, что значение есть отношение в системе знаковой ситуации, а именно как специфическое отношение знака к предмету обозначения, зафиксированное адресатом. Поэтому знак не может быть расчленен на материальные и идеальные, «внешние» и «внутренние» компоненты, а представляет собой единство вещи и ее отношения. Другая группа исследователей считает, что значение есть инвариант информации. Представляется, что значение одновременно выступает и как инвариант и как отношение в системе знаковой ситуации.

В отличие от сигналов, которыми пользуются животные, знаки характеризуются, во-первых, своей предметной соотнесенностью, фиксированной способностью репрезентировать устойчивые реалии вне конкретной ситуации, а значит выражать определенную и достаточно высокую степень абстрагирования от предмета обозначения. Во-вторых, знаки характеризуются возможностью взаимозаменяемости, тогда как сигналы животных не соотносятся ни по сходству, ни по различию. В-третьих, знаки не обязательно представляют собой выражение данной временной ситуации, они не «слиты» с этой ситуацией как сигналы и могут выражать ее со

значительным временным интервалом. В-четвертых, сигналы представляют собой биологический феномен как по способам передачи, закрепления, так и по средствам выражения, тогда как знаки и по своему происхождению, и по функциям, и по содержанию представляют собой социальное явление, имеют *общественную природу*. Социальная природа знака находит свое конкретное выражение в том, что его генезис детерминирован потребностями практики, трудовой деятельности, поскольку появление знаков связано, очевидно, с функциональным замещением предметом, тем или иным образом вовлеченным в деятельность и отношения; что его функционирование и развитие обусловлено, прежде всего, развитием этой деятельности; что по своему назначению знак призван быть средством осуществления деятельности, обеспечивать ее преемственность, эффективность и т.д. Социальная природа знаков выражается и в том, что он одновременно выступает и необходимым средством реализации существующих общественных отношений, так как посредством знаковых систем осуществляется взаимная обусловленность людей друг другом, интериоризация и экстериоризация социально индивидуально значимых качеств или свойств действующих субъектов.

Таким образом, социальный знак является специфической формой опредмечивания человеческой деятельности и общественных отношений, выполняющих функцию хранения и передачи информации. Этот вывод может быть конкретизирован такими признаками знака, как 1) целенаправленность его создания в качестве продукта исторического развития человеческого общества; 2) искусственная условность, несводимость к отражаемому или отсылаемому предмету; 3) интересубъектность, его общеприятность, делающая его социальным средством передачи информации или коммуникации (это, безусловно, не исключает возможность появления особых знаков на уровне межличностного или межличностного общения).

Вся совокупность знаковых систем может быть классифицирована на два основных вида: естественные и искусственные. Роль знаковых систем в жизни человека и общества в

целом исключительно велика, что находит свое выражение в многообразии выполняемых ими функций: репрезентативной, экспрессивной, коммуникативной, гностической, регулятивной и др. Знаковые системы, таким образом, являются не только результатом опредмечивания деятельности и общественных отношений, но и одним из важнейших средств их осуществления. В этом проявляется социальная природа знаковых систем, циркулирующих в обществе и постоянно испытывающих на себе его влияние. Они отражают и опредмечивают процессы классовой дифференциации, региональной разобщенности, профессионализацию деятельности и отношений и т.д. Несмотря на то, что язык, например, непрерывен, не имеет исторически дискретного характера, он в то же время вариативен и очень эластичен, обладает исключительными адаптивными свойствами к изменяющимся социальным условиям и к своим собственным изменениям состава, структуры и т.д. Особенность языка состоит в том, что опредмечивающиеся в нем виды деятельности и отношений приобретают паритетность своего существования, как бы нивелируются и индентифицируются.

Общество всегда заинтересовано, с одной стороны, в консервации сложившегося языка и других знаковых систем, а с другой стороны, заинтересовано в его постоянном развитии, его соотнесенности с изменяющимися условиями. В этом плане можно выделить тенденции адаптации и развития знаковых систем под влиянием внутренних и внешних причин. В первом случае речь идет об адаптации, приспособлении языка к физиологическим особенностям расовых или этнических групп, их психологическим особенностям. Так складывается тенденция к облегчению произношения тех или иных слов (например, китайцы или финны испытывают большие трудности в произношении таких слов, как «смотреть», «икра» и др.). К тенденциям внутреннего порядка можно отнести стремление к выражению одинаковых или близких значений одной формой, к ограничению сложности речевых сообщений, к отражению возникающих новых явлений и процессов, что, кстати, абсолютизировал «Пролеткульт» и что явилось основой чрезмерной

социологизации языка в теории скачков Н.Я. Марра (употребление развития языка развитию общества).

К тенденциям развития языка и других знаковых систем под влиянием внешних причин можно отнести их интернализацию, которая отражает развитие межнациональных и межгосударственных отношений. Она может складываться в результате языковой ассимиляции, заимствований и т.д. (отсюда возникновение интернациональных языков, креолизованных языков и «пиджинов» или вспомогательных языков).

Особое значение в настоящее время приобретает проблема целенаправленного влияния общества на развитие языка и знаковых систем. Опыт языкового «планирования» в нашей стране особенно интересен, так как речь идет о закономерностях развития языков в многонациональном государстве.

В нашей стране отношение «общество – язык» является наглядным примером отношений «причина – следствие», в котором общественные факторы, прежде всего процессы дифференциации и интеграции деятельности и общественных отношений, являются определяющими, обуславливающими факторами развития знаковой формы предметности и в первую очередь языка. Вместе с тем, нельзя игнорировать относительный характер этой детерминации, влияние и значение внутренних закономерностей развития, например, национальных языков, обеспечивающих непрерывность развития национальных культур и традиций.

Идущие сейчас взрывные процессы возрождения национального самосознания и языка сталкиваются с целым рядом идеологических, политических, экономических и юридических барьеров, но они должны рассматриваться как необходимая и неотъемлемая часть демократизации общества. Поэтому принимаемые в ряде республик законы о государственном статусе языков коренной национальности, при всей сложности и неоднозначности этих процессов, носят необратимый характер и восстанавливают историческую справедливость.

Актуальность проблематики знака обусловлена многообразием функций, которые он выполняет в общественной жизни. Знаковые

системы являются средством массовой, индивидуальной и групповой коммуникации, переводят содержание социально-исторического опыта человечества в индивидуально-личностный, а тот в свою очередь – в опыт общественный; способствуют контролю личности над своими чувствами, мыслями, поступками, служат формированию индивидуальности человека, социокультурному воспроизведению субъекта деятельности. Без использования знаков не были бы возможны ни теоретическая, ни практическая деятельность людей.

Мир знаков – это многообразная и сложная система коммуникативных средств, которые существуют сообразно условиям времени. При общем взгляде на ход истории развития знаковых систем нетрудно увидеть постепенное расширение мира знаков: в дописьменную эпоху истории человечества их насчитывалось 24, в письменную – 36, а после изобретения книгопечатания – уже 44. Это закономерно, так как функционирование знаков напрямую зависит от уровня и характера экономических отношений. В нашу, информационную эпоху, когда информационно-коммуникативная деятельность выходит на первый план и носит глобальный характер, количество знаковых систем увеличивается на порядки. Однако процесс развития идет не только в количественном, но и в качественном отношении. В ходе эволюции человечество создавало и осваивало все более сложные знаковые системы, начиная от мимики и жестов и заканчивая знаками искусственных языков.

Именно непрерывным расширением количества и изменением качества знаковых систем объясняется постоянный интерес ученых и философов к проблеме систематизации знаков. Первые попытки построения типологии знаковых средств относятся еще к временам античности. Именно к античным философам восходит самая общая и самая древняя классификация знаков, которая основывается на их происхождении и заключается в делении их на естественные и искусственные.

Однако, термины «естественные» и «искусственные» знаки и по сей день толкуются различными авторами неоднозначно. Так, если в одних работах деление на естественные и искусственные знаки проводятся внутри одной из рубрик – внутри рубрики «языковые

знаки», то другие авторы применяют его ко всем знакам, в том числе и языковым.

Например, Л.А. Абрамян утверждает, что «естественными (натуральными) знаками считаются природные процессы, которые не продуцируются в качестве именно знаков, но которые, тем не менее, воспринимаются и истолковываются как знаки»¹.

К естественным знакам он относит народные приметы, симптомы болезней. Такие знаки обычно называются знаками-признаками (Ч. Пирс) указателями (Э. Гуссерль), симптомами (К. Бюлер). Главным отличительным признаком естественных знаков, по мнению Л.А. Абрамяна, является то, что «как и все знаки, предполагая наличие адресата, они не имеют отправителя. Они только воспринимаются и истолковываются в качестве знаков, так, как если бы природные процессы вызывались бы с целью информирования адресата. На этом основании некоторые исследователи считают действительными знаками только искусственные знаки»².

Искусственные же знаки, по мнению Л.А. Абрамяна отличаются тем, что «определенный вид адресатов не находит их в естественной среде, а сам их преднамеренно создает. Искусственные знаки – это собственно человеческие знаки. Они берут начало с того времени, как возникает человеческое общение – обмен знаками с целью установления взаимопонимания. Только в процессе такого общения один индивидуум сознательно и преднамеренно использует знаки для передачи другому определенного интеллектуального, волевого или эмоционального содержания»³. Важной разновидностью таких искусственных знаков Л.А. Абрамян считает лингвистические, словесные знаки.

Таким образом, Л.А. Абрамян применяет деление знаков на естественные и искусственные ко всем знакам, а не только к языковым. Подобной точки зрения придерживается и М.В. Гамезо, который к естественным знакам относит различного рода признаки предметов и явлений, интерпретируемые как знаки. К искусственным

---

¹ Абрамян Л.А. Гносеологические проблемы теории знаков. Ереван, 1965. С.77.

² Там же. С.74.

³ Там же.

знакам он причисляет те материальные творения человека, которые специально создаются для выполнения знаковой функции в общении, познании.

Но если проводить разделение на естественные и искусственные знаки не среди языковых, а среди всех знаков в целом, то возникает проблема: куда отнести знаки национальных языков, которые, несомненно, являются знаками особого рода? Л.А. Абрамян, как указано выше, причисляет их к искусственным знакам. Б.В. Бирюков, напротив, относит к естественным национальные и научные языки, а к искусственным – азбуку Морзе, азбуку слепых, кривые и графики и др.

Интересный подход к этой проблеме демонстрирует И.С. Нарский. На вопрос, искусственными или же естественными знаками являются слова повседневного языка» он отвечает: «они естественны и не естественны»¹. С одной стороны, «словам национальных языков присуща черта условности, поскольку один и тот же предмет в разных языках обозначается разными (нередко совершенно различными) сочетаниями звуков .... У слова и предмета, за немногими исключениями, типа слов-звукоподражателей, нет связывающего их каузального или, хотя бы, узкофункционального отношения. Поэтому слова национальных языков нельзя считать естественными знаковыми образованиями. Иначе говоря, они есть искусственные знаки»².

Однако, по мнению И.С. Нарского, условность слов национальных языков не означает их конвенциональности, т. е. зависимости от произвола того или иного субъекта, от его спонтанного решения изменить их значения. Слова со своими значениями возникают внутри речевых знаковых систем, которые складываются под воздействием многообразной исторической мотивации. Изменения значений слов также определяются подобной мотивацией. Но если это так, то о субъективности, искусственности происхождения слов не может быть и речи, т.е. слова не есть искусственные знаки. Таким образом, И.С. Нарский приходит к

---

¹ Нарский И.С. Проблема значения «значения» в теории познания // Проблема знака и значения / Под ред. И.С. Нарского. М., 1969. С.43.

² Там же. С.43-44.

выводу, что элементы национальных языков не являются ни естественными, ни искусственными знаками.

На данное противоречие указывает и А.Ф. Лосев, который, хотя и утверждает, «что всякий языковой знак по своему возникновению стихийен, а искусственные знаки (гудок отходящего поезда, звонок при входе в квартиру) возникают преднамеренно, однако, и в самом языке многое возникает преднамеренно. Так в науке возникают специальные термины, вполне продуманные и вполне преднамеренные...»¹.

Тем не менее, многие исследователи проводят деление знаков на естественные и искусственные внутри языковых знаков. Например, А.М. Коршунов и В.В. Мантатов выделяют знаки естественных и искусственных языков. Аналогичное деление производят А.А. Ветров и другие в «Философской энциклопедии» и Б.В. Бирюков в «Большой Советской Энциклопедии». Л.В. Уваров, вводя рубрику «абстрактно-изобразительные знаки», различает в ней использование в науке слов и предложений естественного языка, символов науки.

Деление знаков на естественные и искусственные перекрещивается с другим крупным делением знаков. Данное деление основано на важнейшем свойстве знака – его семантическом значении, т.е. отношении знака к предмету обозначения. Связь знака с замещаемым содержанием может быть мотивированной (символической) или условной (знаковой). Деление знаков на произвольные (условные) и мотивированные восходит к Гегелю. Именно на основании гегелевского деления многие разграничивают символы и знаки.

Деление знаков на произвольные и произвольные очевидно, т.к. подтверждается конкретными примерами, и присутствует во многих типологиях. Так, И.С. Нарский отмечает, что «знак может быть похож на обозначенный им предмет (как, например, египетские иероглифы-пиктограммы слов “солнце”, “человек”), но может быть и совершенно непохожим (как, например, буквы “Б” и “В” в кириллице,

---

¹ Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С.72.

которые не имеют никакого сходства ни с соответствующими фонемами, ни со схемой положения органа речи). Знак может быть каузально обусловлен, в том числе собственным значением (например, нахмуренные брови как знак недовольствия, дым, как знак пожара), но может быть избран помимо причинно-следственной связи (например, двоеточие как указание на то, что далее следует пояснение). Соответственно, знак может быть чужд конвенциональности, т.е. выбор его не произволен, а в иных случаях (точнее говоря, иной знак) может быть конвенциональным»¹.

На характере связи между означающим и означаемым основаны все классификации, восходящие к Ч. Пирсу. Знаки, (по терминологии Ч. Пирса репрезентамены (*representamina*) обнаруживают три различных «репрезентативных свойства», которые основаны на различных взаимодействиях между означаемыми и означающими. Это различие позволило Ч. Пирсу выделить три основных типа знаков:

1) иконические знаки, действие которых основано на фактическом подобии означающего и означаемого, например, рисунка какого-то животного и самого животного;

2) знаки-индексы, действие которых основано на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого, например, дым – индикатор огня, гром – знак дождя, изменение высоты ртутного столба в термометре – показатель изменения температуры и т.д. Индексы во многих типологиях также называют «знаками – признаками» или «симптомами», т.к. они сходны с симптомами в медицине (например, по Пирсу, индексом является ускорение пульса как возможный симптом жара);

3) знаки-символы, которые, как правило, не имеют ни малейшего сходства с теми предметами или явлениями, которые они обозначают. Сущность их связи с обозначаемым предметом состоит в том, что она является правилом. Так, известный всем дорожный знак «кирпич» – красный круг с белым прямоугольником посередине, может быть

---

¹ Нарский И.С. Проблема значения «значения» в теории познания... С.42.

расшифрован словами «Проезд запрещен» лишь в том случае, если человек заранее заучил значение этого знака.

Следует отметить, что ряд исследователей, и, прежде всего Ф. де Соссюр, возражали против употребления слова «символ» для обозначения знаков, носящих условный характер, связь которых с их значением установлена определенным правилом, т. к. в традиционном понимании символа все-таки предполагается некоторая естественная связь между означающим и означаемым (например, весы как символ правосудия).

Вообще, по вопросу о соотношении знака и символа наблюдаются серьезные разночтения. Неоднозначность трактовки символа вызвана тем, что, с одной стороны, действительно, символ – это один из видов знака, но с другой – редуцировать символы к семиотическим категориям не удастся. Например, символ креста имеет столь широкую область смыслового содержания, что его зачастую называют знаком знаков. Крест с доисторических времен служил религиозным, охранительным символом практически в каждой культуре мира, был призван обозначать понятия, суть которых многозначна и неисчерпаема, поэтому сводить его к простому знаку – значит элиминировать, обеднять значительную часть его содержания.

В настоящее время слово «символ» употребляется в двух основных значениях: первое – это изображение, которое как бы выступает от имени какого-то предмета, который может иметь совершенно иную форму (к примеру, треугольник может быть символом предмета, который не имеет ничего треугольного), или же – абстрактное понятие (например, изображение совы является символом мудрости). Вторым значением слова «символ» является письменный знак, который описывает какое-либо качество, величину или процесс – таковыми являются буквы алфавита, знаки препинания, цифры, ноты, математические символы и т.д.¹

В семиотике также существуют разные толкования термина «символ». Как уже было сказано выше, в иерархии Ч. Пирса

---

¹ *Фоли Д.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1998. С.10.

(иконический знак – индекс – символ) последний представляет собой полностью произвольный знак, действие которого основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого. С точки зрения Ч. Пирса, только символ является собственно знаком в полном смысле слова.

Четкое разграничение между знаком и символом провел К. Юнг: «Знак всегда меньше, нежели понятие, которое он представляет, в то время как символ всегда *больше*, чем его непосредственный очевидный смысл. Символы к тому же имеют естественное и спонтанное происхождение»¹. Более общий, абстрактный характер символов по сравнению со знаками подчеркнул и А.Ф. Лосев. По его мнению, символ представляет собой «... тот интересный случай, когда знак имеет бесконечное число значений»².

На чрезвычайную обобщенность и насыщенность символа указал и Р. Барт: «Символическое сознание предполагает образ глубины; оно переживает мир как отношение формы, лежащей на поверхности, и некой многоликой, бездонной, могучей пучины ...»³.

Действительно, многие символы не имеют однозначного объяснения, а в силу своей традиционности обладают двойственным или множественным значением: так, например, не всегда и не везде дракон является злейшим врагом или сердце не всегда является символом любви.

Таким образом, отличительными свойствами символа являются его чрезвычайная насыщенность и обобщенность, а также его диспозиционность (т.е. символ вещи содержит в себе все возможные единичные проявления вещи).

Символы используются для выражения абстрактных понятий и образов, и на первый план в них выходит означаемое, а не означающее. «По самой своей сути», – отмечает Р. Барт, – «символическое сознание есть отказ от формы: в знаке его интересуется означаемое; означающее же для него всегда производно»⁴.

---

¹ Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С.51.

² Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф... С.64.

³ Барт Р. Мифологии. М., 2000. С.251.

⁴ Там же. С.247.

Однако, многие исследователи, вслед за Ф. де Соссюром отмечают, что в символе, в отличие от чисто условных, произвольных знаков, явно прослеживается связь между означаемым и означающим. Фактически о том же говорил и И. Кант, сравнивая природу символического (образного) познания и знаков. Кант отмечал, что специфика последних проявляется в том, что «они могут быть и чисто опосредствованными (косвенными) приметами, которые сами по себе ничего не значат и только присовокуплением приводят к созерцаниям, а через созерцания к понятиям; поэтому *символическое* познание следует противопоставлять не *индуктивному*, а дискурсивному познанию, в котором знак (*character*) сопровождает понятие только как страж (*custos*), чтобы при случае воспроизводить его. Таким образом, символическое познание противоположно не интуитивному (через чувственное созерцание), а интеллектуальному (через понятия). Символы суть только средство рассудка, но средство косвенное, через *аналогию* с теми или иными созерцаниям, к которым могут быть применены понятия рассудка, чтобы с помощью изображения предмета придать понятию значение»¹.

Так, например, огонь издавна является естественным символом жизни и страсти. Его мобильность и пламенность, жар и цвет делают огонь символом всего, что живет, чувствует и действует.

Иногда можно объяснить причины, в силу которых определенный символ истолковывается так или иначе. Но чаще человек интерпретирует его субъективно, т.е. «по образу и подобию понимания им божественного миропорядка»².

Слово или определение, согласно К. Юнгу, символичны, когда они имеют «бессознательный» аспект, который всякий раз точно не определен или объяснить его нельзя. По этой причине символическим языком или образами пользуются все религии. «Когда мы исследуем символ», делает вывод Юнг, «он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого рассудка».³ То есть вслед за И. Кантом, К. Юнг

---

¹ Хабаров И.А. Философские проблемы семиотики. М., 1978. С.36.

² Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С.7.

³ Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С.126.

проводит четкое разграничение между символическим познанием и логическим мышлением: «Суждение интеллекта направлено на однозначное установление смысла, но тогда оно проходит мимо самой их сущности: единственное, что мы можем безусловно установить относительно природы символов, это многозначность, почти необозримая полнота соотнесенностей, недоступность однозначной формулировке... Символический процесс является переживанием образа и через образы»¹.

Именно наличие в символе экзистенциальной составляющей делает его действенным средством воздействия на массовое сознание: знак (эмблема, герб, геральдика и т.д.), в отличие от символа, не может воздействовать на бессознательные сферы человеческой психики и определять поведение социума. Это особенно очевидно сейчас, когда символические структуры и архетипические пласты в сознании человека учитываются и активно используются политическими и рекламными технологиями. Примером может служить использование стилистически маркированной лексики («мочить в сортире») или деталей одежды и внешних атрибутов поведения, апеллирующих к значимым для воспринимающего сознания смыслам и моделям поведения (кепка Ю. Лужкова, выбор вида спорта – теннис, футбол, дзюдо) и т.д.

Таким образом, природа символа глубоко диалектична. С одной стороны, по точному выражению Гегеля, «в ... символах чувственно наличные предметы уже в своем существовании обладают тем значением, для воплощения и выражения которого они употребляются»². Это и отличает символ от условных, произвольных знаков. С другой стороны, значение символов выходит за рамки внешнего сходства с репрезентируемым содержанием. В каком-то смысле они и уже и шире, т.к. символ всегда содержит в себе обобщенное содержание; он сам по себе есть обобщение, создающее бесконечную смысловую перспективу и делающее символ мощнейшим средством интеллектуальной и творческой деятельности.

---

¹ Юнг К. Архетип и символ... С.126.

² Гегель Г. Эстетика // Гегель Г. Соч. М., 1969. Т.2. С.15.

Так, опираясь на образ сферической жидкой капли как символа атомного ядра, оказалось возможным вычислить с большой точностью значений основные параметры возбужденного («нагретого») ядра. Этот пример очень хорошо иллюстрирует природу символа, как «порождающего принципа», как такого обобщающего образа, который осмысливает собой ряд эмпирических данных.

Таким образом, опираясь на приведенные выше точки зрения, можно согласиться с В.В. Мантатовым, который дал обобщающую трактовку символа: «Природа символа глубоко диалектична; символизация выражает связь между абстракциями и чувственностью, бесконечным и конечным, общим и единичным, возможностью и действительностью, непосредственным и опосредованным»¹.

Четкое же разграничение между знаком и символов провел А.Ф. Лосев: «Символ есть развернутый знак, но знак тоже является неразвернутым символом, то есть его зародышем»². Таким образом, можно сказать, что знак служит для представления реальных вещей (явлений, свойств, отношений и т.д.) в обобщенной идеальной форме. Символ же представляет сознанию в наглядно-образной форме абстрактные идеи и понятия, т.е. «снимает» всеобщее уже не с самих реальных предметов, а с отражающих их знаков, с уже созданной идеализированной предметности. В этом смысле символы как бы знаки второго порядка, знаки знаков. Разнообразные знаки несут на себе печать конкретности, они более тесно связаны с действительностью, чем символы. Но, тем не менее, и те и другие выполняют функции внутренних регуляторов деятельности, ее опорных точек, «моста» между объективной реальностью и внутренним миром субъекта.

Еще одним основанием классификации знаков являются выполняемые ими функции. На основании функций знаковых средств, многие авторы, к примеру, подразделяют их на языковые и неязыковые. Подобное деление выходит к Т. Гоббсу и Ф. Бэкону. Т.

---

¹ Мантатов В.В. Образ. Знак. Условность. М., 1980. С.132.

² Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф... С.130-131.

Гоббс рассматривал язык, прежде всего, как источник познания, который отличает человека от животных, т.е. к языковым знакам он относил только те, которые производятся и используются человеком и во главе угла ставят их познавательную функцию.

Во многих современных классификациях языковые знаки выделяются, прежде всего, как средства общения. Так, у А.А. Ветрова «языковой знак производится животным или человеком и служит средством общения отдельных индивидуумов друг с другом»¹. О таких функциях знаков как коммуникативная, познавательная и замещающая пишет Н.Г. Салмина. Она также выделяет два класса знаково-символических средств: языковые и неязыковые. В классе языковых она различает естественные языки, иконические средства и два вида произвольных средств. В классе неязыковых она выделяет субстратно-субстанциональные человеческие действия и пространственные средства (двухмерные и трехмерные) могущие в свою очередь быть и количественными, и произвольными.²

В.В. Ким на основе анализа классификаций знаков, сделанных Т. Гоббсом и Ч. Пирсом, Д.П. Горским и В.А. Штоффом предлагает свою систематизацию, где за исходное основание взято идущее от Ф. Бэкона деление всех знаков на языковые и неязыковые. Далее, внутри языковых знаков им выделяются естественные и искусственные; внутри искусственных – аналоговые и информационные, а информационные языки, в свою очередь, подразделяются на 3 типа: а) информационно-управляющие языки (алгоритмические), предназначенные для записи команд, идущих от человека к машине; б) информационно-логические языки (формализованные), предназначенные для формализации понятий и теорий той или иной области знания с помощью логико-математических средств; в) информационно-поисковые языки (кодовые), служащие для записи информации, ее накопления и однозначной выдачи по запросу (например, создание машинных словарей – тезаурусов). В группе неязыковых знаков В.В. Ким выделяет следующие подтипы: сигналы,

---

¹ Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968. С.73.

² Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М., 1988. С.40-41.

квазизнаки и символы, а среди символов, в свою очередь, символы-эмблемы, художественные символы, символы – мнемонические знаки и научные символы.¹

Л.А. Абрамян, исходя из той роли, которую призваны играть знаковые системы в жизни общества, подразделяет их на три основных категории. К первой он относит знаковые системы, которые в одинаковой мере служат как средствами коммуникативной, так и средствами интеллектуальной деятельности. Это естественные, обычные языки. Вторую категорию составляют знаковые системы, выступающие в качестве средства общения – например, азбука Морзе. К третьей категории он причисляет знаковые системы, используемые как средство интеллектуальной деятельности. Это формализованные языки, изучаемые символической логикой. Он также противопоставляет лингвистические знаки (выражения естественного языка) нелингвистическим – символам и сигналам. Символы, в его понимании, в отличие от языковых выражений, обозначают абстрактные объекты и выражают понятия или художественные образы. Так, например, высказывание «я принадлежу к пионерской организации» обычно заменяется красным галстуком, который символизирует эту организацию. Еще одна разновидность нелингвистических знаков у Л.А. Абрамяна – это сигналы. Сигналы – это особая разновидность знаков, которые призваны побудить адресата к определенным действиям. Так, высказывание «Огонь!» в определенных условиях целесообразно бывает заменить световой ракетой.²

На функциях обозначения и выражения основано деление знаков на «указатели» (Anzeichen) и «выразители» (Ausdrücke) у Э. Гуссерля, причем, ко второй категории он относил языковые, словесные знаки, а к первой – все остальные. Согласно Э. Гуссерлю, выделенные им категории знаков выполняют различные функции: одни, обозначая что-то, указывают на него, другие же выражают какую-то мысль. Эти функции, по Э. Гуссерлю, взаимно исключают друг друга, так что «указатели» лишены функции выражения, а

---

¹ Ким В.В., Блажевич Н.В. *Язык науки*. Екатеринбург, 2008. С.46-55.

² Абрамян Л.А. *Гносеологические проблемы теории знаков...* С. 82.

выразители – функции обозначения. Таким образом, гуссерлевская типология знаков, по сути дела, опирается на особую типологию знаковых функций.

Таким образом, многие типологии знаков исходят из их функций (познавательной, коммуникативной, замещающей, информационной и других). На основе этих функций выделяют как языковые и неязыковые знаки, так и другие группы знаковых средств.

Однако некоторые авторы высказывают мнение, что функции знаков нельзя брать за основу их классификации, так как семиотические средства разных типов могут функционировать и в познании, и в общении, и т.д., т.е. выполнять сразу несколько функций.

Вопрос о коммуникативной, познавательной и других функциях семиотической деятельности, по мнению Г.А. Глотовой, выходит за пределы систематизации семиотических средств. Свой вариант классификации знаков она строит на основании трех смыслов, в которых традиционно употребляется слово «знак». По ее мнению, термин «знак» может употребляться в широком, промежуточном и узком смыслах.

Знак в широком смысле – это «вся окружающая человека действительность, из которой он черпает (распредмечивая или заново открывая) механизмы своей собственной жизнедеятельности»¹. То есть знаком в широком смысле этого слова может быть «любой человеческий предмет»² – орудия труда, предметы домашнего обихода, произведения искусства и т.д.

Знаки в промежуточном смысле слова, с точки зрения Глотовой, – это «такие свойства других людей и предметов, которые формируют механизмы анализаторно-отражательной деятельности человека, т.е. все, что помогает наилучшим образом отразить действительность и самого себя через внешние проявления – через внешние поверхностные свойства других людей и предметов, через внешние и внутренние проявления собственной двигательной активности и

---

¹ Глотова Г.А. Человек и знак: семиотико-психологические аспекты онтогенеза. Свердловск, 1990. С.25.

² Там же.

эмоциональных реакций»¹. Знаками в промежуточном смысле, с этой точки зрения, будут мимика и жесты, цвета и запахи, внешние проявления эмоциональных состояний человека, естественный звуковой язык и т.д.

Третий уровень знаков – это знаки в узком смысле этого слова. Сюда относятся семиотические средства, функция которых – усиливать отражательную способность людей. При этом они могут не иметь ничего общего с тем, отражением чего они являются. Таким образом, знаки в узком смысле слова – это и есть, согласно Г.А. Готовой, немотивированные, условные знаки. Сюда относятся, прежде всего, различные искусственно создаваемые человеком знаковые системы.

Далее Г.А. Готова проводит классификацию внутри каждого из этих трех семейств. В зависимости от того, к какой форме движения материи относится семиотическое средство, она выделяет такие группы знаков, как представленные неживой природой, живой природой и людьми как социальными существами.² Она также различает пространственные и временные семиотические средства, абстрактные и конкретные и т.д.

Существуют и другие основания для систематизации знаков, например, по форме или материалу знака. Вообще, оснований для классификации знаков может быть множество. С.А. Вылегжанина, например, классифицирует знаки не только по формальным признакам (по способу существования она выделяет знаки статичные, динамичные, звуковые), но и по способу их применения и воздействия (здесь она выделяет широкофункционарующие и профессиональные знаки), и по длительности их существования во времени (долговременные, постоянные и кратковременные). К. Огден и И. Ричардс предлагают 23 описания типов значения. В.А. Штофф описывает 2 класса моделей, внутри которых выделяет 5 подклассов и т.д. Наиболее детальной остается классификация Ч. Пирса, который выделил 76 разновидностей знаков.

---

¹ Готова Г.А. Человек и знак: семиотико-психологические аспекты онтогенеза... С.25.

² Там же. С.101.

Но такое дробное деление представляет интерес, пожалуй, только для специальных целей теории знаков. С точки же зрения философии, существенное значение имеет лишь общая типология знаков, в основе которой лежат строгие логические основания. Однако, как видно из рассмотренных примеров, единых оснований классификации знаков не существует, соответственно не существует какой-то единой, общепринятой типологии знаков.

Некоторые авторы справедливо ставят вопрос о том, можно ли вообще построить сколько-нибудь детальную систематизацию знаков, если учесть, что семиозис является проявлением всеобщей связи предметов и явлений материального мира.

Это означает, что любая систематизация знаков будет ограниченной, но это не значит, что она не нужна (об этом свидетельствует существующее огромное количество таких систематизаций). Все в конечном итоге зависит от цели, с которой создается каждая систематизация, а анализ существующих классификаций позволяет глубже познать природу и свойства знаков.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

И.Н. Абатуров

В настоящее время в России Интернет-технологии ускоренными темпами проникают в жизнь все более и более широкого круга индивидов. Влияние интернет-технологий на развитие элементов сознания российских индивидов, на формирование системы ценностей россиян сегодня является одной из самых малоизученных вопросов. Причина такого положения дел заключается в том, что эта проблема появилась совсем недавно, поскольку, как ниже будет показано, Интернет в России стал массовым средством межличностной коммуникации лишь несколько лет назад.

Изучение социальных последствий распространения интернет-технологий в России только начинается. Конечно, существует довольно много исследований, в которых рассматривается развитие Сети в нашей стране. Первые такие труды появились еще в середине 90-х гг. XX в. Но надо отметить, что большинство из них составляли